

КС (Чув)

Ю 41

19699-к

Геннадий Юмарт



Родное гнездо



Чувашское книжное издательство



к-019699

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

196907

Геннадий Юмарт

кф
к с(Чув)
Ю-41

Родное гнездо



*Перевод с чувашского
Владимира Алейникова*

Чебоксары
Чувашское книжное издательство
1987

ББК 84 Чув. 7—5
Ю 41

Обязат. экз.

ПРОВЕРЕНО
20/10

19699-к

Чувашская
Республиканская
БИБЛИОТЕКА
им. М. Горького

Юмарт Г. Ф.

Ю 41 Родное гнездо. Стихи. Перевод с чувашского В. Алейникова.—Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во. 1987.—79 с.

15 к., 1500 экз.

Родное гнездо—это не только образ родимого уголка, но и память о прошлом, дума о дне завтрашнем, стремление отстоять мир, сохранить и приумножить духовные ценности народа. Так выражено в стихах Г. Юмарта чувство дома, которое сливается с любовью ко всей нашей огромной Родине.

ББК 84. Чув. 7—5

Ю 4803010102—024 87—87
М 136 (03)—87

© Чувашское книжное издательство, 1987 г.

ДОЛГ

СЕСПЕЛЬ ¹

Лишь вспомню о нем — и клинки зазвонят,
И эхом откликнется топот копыт;
Услышу раскаты глухих канонад,
Увижу ребенка, что в бедах забыт.

Полночное пламя над степью гудит,
Полынью примятою воздух пропах...
О равенстве песня по свету летит,
Летит из России на сильных крылах.

Растет над Чувашией голос стальной,
Зовет постоять нас за Новый наш День,
С надеждою солнечной, с верой земной,—
Похожа на Улыпа² Сеспеля тень.

Раскованный слог и размашистый шаг,
Былая гроза и скупая слеза!..
Алеет овейанный славою стяг—
И утро страны открывает глаза.

¹ Михаил Сеспель (1899—1922)—основоположник чувашской советской поэзии.

² Улып—богатырь, герой чувашских эпических сказаний.

РОДИНА

Едва подумаю о родине своей —
Деревню вижу я перед собою
С ручьем прохладным, с тихою ветлою,
С мерцающею россыпью огней.

Едва подумаю о родине своей —
Беседуют со мной односельчане
С душою чистой, с ясными очами, —
Они мне с каждым годом все родней.

Едва подумаю о родине своей —
В сознание сразу сад встает цветущий,
Так много тайн заветных берегущий,
Воздушный цвет роняющий с ветвей.

Едва подумаю о родине своей —
Луга припомню, сонные от зноя,
Заросшие высокою травой,
Коси ее — она все зеленей.

Едва подумаю о родине своей —
Уже я вижу зреющую ниву,
Я в небе слышу птичьи переливы,
И тянет снова — к ней и только к ней.

РАЗГОВОР С ПОЛЕВЫМИ ВОРОТАМИ

Ну, здравствуйте, ворота! Все при деле?
Немного покосились, постарели —
Но, долгий век привыкшие стоять,
Людей готовы радостно обнять.
Их руки добрые вам не дали упасть.
Столбы дубовые крепки недаром — страсть.
На родине своей в который раз
События детства вижу я сквозь вас.
Односельчане улицей идут
И парня-новобранца к вам ведут.
Уходит этот парень воевать,
Идет его деревня провожать.
И перед вами, старые врата,
Простятся с ним... И складкою у рта
Останется печальный этот день —
И вновь пройдут сквозь вас, за тенью тень,
Безмолвной, бесконечной чередой
Все те, кто до него ушли на бой...
Вновь тарантас мужчинами набит —
И новобранец в нем с платком стоит.
Дуга обвита полотенцем белым,
Ладонь к устам прижата омертвелым;
Однообразной рысью скачет конь,
Храбрится залихватская гармонь;
Звон колокольца льется вдалеке —
Гармонь рыдает в грусти и в тоске.
Слова солдатских песен так горьки—
И выются, выются ленты и платки.
Солдатская дорога так длинна,
В чужие земли тянется она, —
Вернешься ли опять в родимый дом? —
И тарантас исчезнет за холмом...

Немногие вернулись с той войны.—
Всегда об этом помнить мы должны,
Нам не забыть убитых и калек,
Ночей бессонных мрак, дожди и снег,
И женщин, что остались без мужей,
И братьев, и отцов, и сыновей...
И как же мне всю жизнь не чтить душою
Вот это место — малое, святое?
Те, кто на фронте головы сложили,
Кто возвратились, — нашу жизнь продлили.
Так дайте с вами мне поговорить
За тех, кто мог бы и сегодня жить,
За тех, погибших в годы роковые,
Кто помнил вас, ворота полевые.

* * *

О родина, верь сыну своему!
Жить без тебя бессмысленно ему.
Тебя оберегать — такая честь!
У каждого гнездо родное есть.
Лишь ты сумеешь дни мои продлить.
Напев твой колыбельный — не забыть,
Коль позабуду — не видать добра.
Как, родина, древна ты и мудра!
Как, родина, щедра земля твоя!
Тобой благословлен — радушен я.
Да, весь я твой, с тобою искони
Душа моя, труды мои и дни.
С твоей судьбой — моя судьба слилась.
А прогневолю тебя в недобрый час —
Меня ты сыном больше не зови,
Навек лишив и речи, и любви.

СЛЕПОЙ ГАРМОНИСТ

Г. Моклакову

Теплоход отчалил. Побежали
Хлопья пены лентой за кормой.
Суетиться люди перестали,
Пахло рыбой, ягодой лесной.

Из угла укромного в салоне,
Где уютился человек слепой,
Вдруг раздался хриплый вздох гармонии,
Пролетев над сонною толпой.

И случилось так, что каждый ожил,
Улыбнулся, а чему — как знать?
Гармонист мелодию продолжил
И тихонько начал запевать.

Пел слепец с открытою душою,
Годы мерил песнею своей.
Видно, сердце билось в нем такое,
Что светлели лица у людей.

Голос плыл, как облако в зените,
Потайные струны задевал:
Люди, люди, жизнью дорожите —
Каждый день велик у нас и мал!..

Пел слепой с задумчивой женою,
От любви и боли сам не свой.
Пели все — и веяло весною
Над его седою головой.

* * *

Седые ветлы в пасмурные дни
Тоску твою почуют — и вздыхают.
Не слушай ты их, мама, — пусть они
Меня ни в чем, ни в чем не упрекают.
Стараюсь людям счастье приносить,
Творя добро, насколько сил хватает.
Тебя ли мне, деревню ль позабыть?
О, никогда! — Со мною так бывает:
Вдруг хочется из веточки ветлы
Свирель мне смастерить — и вот, играя,
Увидеть, сколь прекрасны и светлы
Черты страны, — как музыка без края.

КАЧЕЛИ

Памяти А. Миттова

Качели... Только стану вспоминать,
Как сердце замирает — и опять
Уносит в даль, где с каждою весной
Дни детства оживают предо мной.

Шумят, бывало, ветлы на ветру,
По-свойски нас встречая поутру.
На крепкой ветви — зыбкая ладья,
Качели, радость первая моя.
Привычно оттолкнешься — и скорей
Туда, в сиянье солнечных лучей!
То рвешься вверх, пространства зов познав,
То мчишься вниз — к зеленым дебрям трав.
Душа — открыта, счастье — велико,
И мир широк, и дышится легко.

Взлетаешь над деревнею родной —
И крылья ощущаешь за спиной.
Снежинкой невесоמוю порхай,
Мечтать учись, от страхов отвыкай...
Ах, детства невозвратная краса! —
Ну кто из нас не верил в чудеса?

Но занялся на западе пожар,
Исчезла радость — детства чудный дар,
И солнце скрылось в сумраке теней,
И ветлы стали тише и грустней...
Сражаются отцы в краю чужом
И падают, объятые огнем.
И матери под бременем забот
Их ждут — за часом час, за годом год.
Ребят неумолимая беда
Оставила без детства навсегда,
В работу их так рано запрягла,
Что вместо лета к ним зима пришла.
Так незаметно каждый повзрослел!
Качели опустели — снег белел...

Сегодня ветлы вновь оживлены,
Движения и шелеста полны.
Качели, словно ласточки весной,
Взлетают над деревнею родной.
И солнце улыбается с утра —
И счастлива, играя, детвора.
Но счастье это, это волшебство
От нас зависит — сохраним его.
Пусть не умолкнет впредь ребячий гам —
Он выстрадан и слишком дорог нам.
Пусть, связанные с судьбами людей,
Летят качели над землей моей.

ДОЛГ

Лене и Ире

В том декабре морозы лютовали,
Звон проводов был тонок до предела,
Сорока одинокая металась,
Крутой сугроб, затвердевая, рос.
Я родственников прибежал проведать.
Запаса дров им снова не хватало,
И всей семьей они ютились в бане —
Пуškai и тесновато, да тепло.
«Отец велел вам передать...» — сказал я,
Ладони грея, щеки оттирая.
В глазах у тети слезы заблестели,
Сухие губы сжались, задрожав.
Четыре коробка обычных спичек
И мыло... Много ль надо человеку?
Но только где достать-то их? Попробуй!
И не пытайся лучше, — не найдешь.
Еще совсем недавно над рейхстагом
Взвилось в весеннем небе знамя наше.
Полям рабочих рук недоставало,
Мужчин так мало было в деревнях.
Дома в округе нашей покосились,
Худая одежонка еле грела.
Четыре года вечностью казались,
Их пламя стало памятью седой.
Ну кто же не искал в то время в поле
Гнилую драгоценную картошку?
Как трудно приходилось нам! — И все же
Нас жизнь переполняла каждый миг.

...Ах, Витя, брат двоюродный, Виталий!
Родного брата был ты мне дороже.
Сейчас бы нам с тобою повидаться,

Поговорить друг с другом по душам.
Но в том война минувшая виновна,
Что и тебя, злодейка, погубила.
Неумолимо таяло здоровье,
Болезнь не проходила. Ты угас...

Не ты ли, брат мой, так любил рыбачить?
Речные тайны знал ты в совершенстве,
Любил ходить с ребятами в ночное,
Любил послушать сказки стариков.
Пускал в пруду ты летнею порою
Корабликов отважные эскадры,
Ухаживал за яблоневым садом,
Украдкою стихи ты сочинял.
Любил ты рисовать в своих тетрадках
Мосты и арки радуг семицветных.
О, кем себя в мечтах не представлял ты! —
Ведь оставалось только повзрслеть.
За что бы ты ни взялся — выходило
По-своему, добротнo и красиво.
Наверное, природою самою
Огромный дар отпущен был тебе...

Была земля засыпана порошей,
Озябший лес чернел в недоуменье.
В тот грустный день деревня провожала
Тебя, любимый брат, в последний путь.
Твоя собака выла, понимая,
Что навсегда она осиротела,
В мои глаза смотрела, умоляя
Хоть чем-нибудь напомнить о тебе...

Года прошли. Меня встречает тетя,
Для гостя пиво черпает из бочки,
Работу отложив. Идут расспросы
О жизни, о семье, о том, о сем.

Крепка была — да старость ведь не спрячешь,
Морщины на лице ее обильны.
Ах, мало ли и сеяла, и жала,
И лес рубила в холод и метель?..
И вновь, конечно, сына вспоминает:
«Могли бы жить мы вместе так счастливо —
Но выпала ему иная доля..
Вот погляжу — село все хорошеет,
У каждого всего сегодня вдоволь,
В полях пшеница колос налила.
Пусть только будет мир на белом свете,
Все у людей тогда пойдет на лад...»

Я прохожу по рощице тенистой,
Вдыхаю липы аромат медвяный.
Вот этот ряд Виталием посажен —
Деревья в нем ветвисты и стройны..
Что душу, словно пламя, опаляет?
Что сердце громче биться заставляет?
С годами понимать я научился
Величие любви и доброты..
Как небеса чисты и откровенны,
Как дождь прошедший щедр и благодатен!
Кричит кукушка гулко и протяжно—
И эхо не смолкает вдалеке.

* * *

Живой душе, в поэзию влюбленной,
Терпения отнюдь не занимать.
О, что за труд— безмерный, исступленный —
Единственное слово отыскать!

Покуда не постигнешь сам когда-то
Суть творчества, — откроюсь, так и быть:
Поэзии сродни — краса агата,
Дай бог тебе все это ощутить.

Коль силой хочешь обладать чудесной,
Будь чист и крепок, словно сталь, всегда.
И светом правды, выстраданным песней,
Да озарятся все твои года.

* * *

Сейчас я сам — серебряные струны,
Их голоса, их вздохи и рыданье,
В голубизну протянутые нити,
Их дрожь, недоуменье и восторг.
Сейчас я сам— над белыми полями
Летающий ветер, слышный сквозь порошу,
Обретший долгожданную свободу,
Глубинный, нескончаемый напев.
Сейчас я сам—над белыми полями
Источника, листвы зеленой лепет;
Послушай звон, что кровь переполняет,
Вот исповедь души моей живой.
Какое чудо — встретить человека!
Хвала тебе, людское пониманье!

Предвосхищенье песен славлю ныне,
Все это — труд, которым счастлив я...
Сейчас я весь — таинственные струны,
Мелодии звучащей превращенье
В рассветный луч, в сиянье золотое, —
Лучом высоким сам я становлюсь.

ГРАЧИНАЯ МЕТЕЛЬ

* * *

Снова солнце, на землю нахлынув,
Сразу столько чудес мне сулит!
Все глядеть бы, лицо запрокинув,
Вверх, где свет золотистый разлит.

Лад особенный песни весенней
Каждой птице сегодня под стать.
Как мне быть с полнотой ощущений?
Ведь речей мне теперь не унять.

И догадка мелькнет на мгновенье:
Не у лет ли своих в поводу
Придорожных черемух цветенья
Сердцем, гулко забившимся, жду?

* * *

По утрам перекличка грачей
Спозаранку село пробуждает.
Ото льда отряхнулся ручей,
Солнце греет, и наст оседает.

Мне понятно скворца торжество —
Пусть поет он, весну прославляя.
Но, заслышав рулады его,
Мать вздыхает, меня вспоминая.

ВЕСЕННИЙ ЛЕС

Ну как поживаешь,
Приятель мой, лес?
Ты кроны вздымаешь
До самых небес.
Пропахший весною
Ореховый куст
В бесадах со мною
И впрямь златоуст.
Мечтанья толпою
Идут по пятам
Досужей тропою
Навстречу цветам.
Был дождь серебристым—
Он день раскроил
И зельем душистым
Весь мир напоил.
На ветках сверкают
Созвездья монист —
И звон не смолкает,
Протяжен и чист.
Вблизи раздается
Напев соловья —
С дождем он сольется
В кругу бытия.
Листве прошлогодней
Стать почвой пора,
Чтоб почки свободней
Вздохнули с утра.
Приметами роста
Природа горда.
Проститься непросто —
И тянет сюда. 19699-к

* * *

К тебе вернувшись, край родимый мой,
Склоняюсь я пред мудрою красой:
Полей твоих простор необозрим —
Гордится сердце давней дружбой с ним,
Роса — прозрачней, запах ржи — острей,
И солнце все радушней и теплей.
Есть смысл особый в древности земли,
Где так любить и ждать меня могли, —
В порыве беспредельной доброты
Луга приносят свежие цветы,
Трель жаворонка славного светла,
И мягкой ветвью машет мне ветла.

ПОДСОЛНУХ

Смотри: на цветущем картофельном поле
В платке ярко-желтом красotka-девица,
Сощурысь лукаво, стоит на приволье,
Не может узорам цветков надивиться.

ДОЖДЬ

Облако приблизилось, растаяло —
И шербетом сладким пролилось.
Столько струн звучать оно заставило,
Музыкой пронизанных насквозь!

Солнышко, прищурысь, улыбается,
Водят струи дружный хоровод.
В звонкие колечки превращаются
Капли на зеркальной глади вод.

Радуга полнеба разукрасила
Семицветной вышивкой своей:
«Поднимайся на небо — и засветло
Мир созвездий разглядеть сумей!»

* * *

Зарожденье рассвета люблю я встречать.
В небе россыпи звезд начинают бледнеть.
Дергача восклицания слышу опять—
Всю долину один он заставил звенеть.

Как веснушки, желты и обильны цветы —
Приоткрыли глаза, потянуться хотят,
Встрепенулись — и, детской полны чистоты,
Любопытной гурьбою меня окружают.

Та тропинка, что в юности я проторил,
Пролегла напрямик до деревни родной.
Пусть травой заросла — каждый стебель мне мил,
Каждый лист серебрится и брызжет росой.

Вот вершина ветлы в ореоле огня,
И в овраге, как ртуть растекаясь, ручей,
Словно в давние дни, окликает меня —
Видно, есть что поведать о доле своей.

Вот родник. Он шербетом спешит угостить.
Наклоняюсь к нему — как прохладна вода,
Как вкусна! И полезнее — может ли быть?
Исцеляешь ты душу, деревня, всегда.

ЧИБИС

У долины широкой —
Пестротканый наряд.
Ветерок ясноокий
С нею встретиться рад.

Свет полуденный льется
Над лесной стороной.
Что за плач раздается
Высоко надо мной?

Это — чибис... Ах, птица!
Как тебя удержать?
То к земле устремится,
То взлетает опять.

Что ты в воздухе рыщешь,
Где же друг твой, где дом?
Что без усталости ищешь
Ты в сиротстве своем?

Что с тобою случилось?
Я глаза подниму:
Каково тебе, чибис,
В небесах — одному?

АХ, ВЕТЕР, ЧТО ТЫ НАТВОРИЛ?

Ах, ветер, что ты натворил?
Твои порывы клен сгибали.
Ты ни листа не пощадил —
Как звезды, вниз они слетали.

Сломалась ветка — и, упав,
Лежит, раскинутая странно,
К траве ржавеющей припав,
Закрытой пологом тумана.

Десятки рук вздымает клен,
Моля напрасно о пощаде, —
И рвется к небу долгий стон,
В бездонной тающий прохладе.

И ветер, вдруг угомонясь,
Затих, вину осознавая,
Над грустным деревом склонясь
И слез блеснувших не скрывая.

В СОСНОВОМ ЛЕСУ

Чешуйчатые медные стволы,
Упругих крон размах — за гребнем гребень.
Пропитан воздух запахом смолы,
Вдыхай его — издревле он целебен.

Ель попадетя изредка. Она,
Как девушка, махнет тебе рукою
С улыбкой, по-особому стройна,
Тревожа ум и сердце беспокоя.

Мониста на груди ее звенят—
Янтарных шишек россыпи и звенья.
И, терпкий ощущая аромат,
Пьянеешь на какое-то мгновенье.

И вспомнишь вдруг любимую свою—
И вот тебе уже и мира мало,
И что тебе за смысл бродить в раю,
Когда душа по ней затосковала!..

ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ ДОРОЖЕ?

Простор полей, небес голубизна,
И опыт наш, и жизни новизна, —
Что может быть дороже? Я не знаю.
Не это ли и есть краса земная?
А скошенного сена аромат?
А запах ржи? А яблоневый сад? —
Что может быть чудесней? Я не знаю.
И благодать не это ли земная?
Леса необозримые кругом,
И ветлы у реки, и отчий дом,
И ночью — свет звезды неизъяснимый, —
Не это ли и есть твой край родимый?

ОСЕННИЙ ПЕЙЗАЖ

Стадо важных гусей от реки ковыляет —
И, меня почему-то сейчас
Обходя стороной, в разговор не вступает,
Будто в детстве гусей я не пас.

Ощущаю повсюду тумана истому,
Поле ближнее — словно вдали.
Отрешенно бреду к сосняку золотому.
Пригибая бурьян до земли.

Отливают стволы восковой желтизною,
Шапки крон на отлете держат.
Не бессмертна ли вправду пахучая хвоя? —
Лишь она, точно летом, свежа.

Только ветер шуршит облетевшей листвою
Да журчит ключевая вода,
Все щемящей сегодня влечет красстою
В ожидании снега и льда.

РЯБИНА

Говорливые клены с созвездьями крон,
Медоносные липы с улыбкой сквозь сон,
Хлопотуньи-осины — привольно шумят,
И невольный на них остановится взгляд.

У соседки-рябины — особая статья:
Ей бы только подняться, до солнца достать,
Ей бы только согреться в сиянье лучей,
Расплескать на ветрах горечь доли своей.

На ветвях у нее маловато листы —
Потому и глядит в глубину синевы,
Потому и теплом, как никто, дорожит,
Потому-то и ствол в нетерпенье дрожит.

То ли хочет к опушке добраться она,
Беззащитно-тонка, непокорно-стройна,
То ли просто грустит, в отрешенье светла:
Так уж вышло — без счастья весь век прожила.

И стареет безудержно не оттого ль,
Что извела долгую, жгучую боль,
Обессилела, молча упала ничком? —
И подкатится к горлу непрошенный ком...

ЛИСТОПАД

Вот ветерок зачем-то к липе вдруг пристал,
Ее листву разворошил и растрепал.

Ну что он ищет среди листьев и ветвей?
О чем насвистывает в песенке своей?

Волчком кружится убегающий листок,
Спешит за ним неугомонный ветерок.

А на дороге — загляни за поворот —
Играют листья, водят пестрый хоровод.

Беги, листок, еще проворнее беги,
Вокруг играющих смыкай свои круги.

Захочешь спрятаться — беги, беги опять.
Но ветерок не отстает — упрямя, видать!

БЕЛЫЙ ДОЖДЬ

Белый дождь повалил — показалось,
Он воздушнее пены морской.
Крыша белым платком повязалась,
Ветер ходит над белой рекой.
О, не ты ли к очам прикасалась
Белой, белой, далекой рукой?

Упоенно снежинки кружатся,
Собираются что-то сказать,
Не решаясь в объятья бросаться, —
Может, в прятки зовут поиграть?
И тихонько на землю ложатся,
Чтобы их на ладони поднять.

Сновиденье? Мираж? Я стараюсь
Разобраться. С залепленных век
Звезды падают, в пыль рассыпаясь,
День заполнив, а может — и век...
И, как будто с любимой встречаюсь,
Улыбаясь, приветствую снег.

ВЯЗ

— Ну что ты, вяз, листвою шумишь?
Совсем один в полях стоишь.
Как терпишь ты и летний зной,
И холод лютою зимой?
— Зачем корить судьбу свою?
Я не напрасно здесь стою.
Пускай вздыхаю на ветру —
Проходим тень дарю в жару.
Чтоб не плутал никто в пургу,
Найти дорогу помогу.

* * *

Пускай летят навстречу снега комья,
Пусть ветер продолжает завывать,
Пусть до села тащиться далеко мне,
Дороги нет — не стану горевать.

Звон проводов, сознание леденящий,
Столбов гудящих вежи впереди
То огорчат печалью проходящей,
То отзовутся песнею в груди.

Мотивы эти, родственные странно,
Заворожить прохожего должны.
Иду — как будто вовсе нет бурана,
Не чувствую сугробов глубины.

ГРАЧИНАЯ МЕТЕЛЬ

Как понять — к добру иль к худу?
Знать, повадка такова
У зимы. Но снега всюду
Столько! — верится едва.

Что ты в мире различаешь?
Дни — белы, лета — светлы,
И тропа, где ты шагаешь —
В круговерти белой мглы.

Значит, стаи жди грачиной
Вместе с вестью о весне.
Жди начала, жди причины,
Что таятся в белизне.

Чу! Кричат уже, толкуют?
Гул почудился речей...
Ведь недаром так тоскуют
Эти ветлы без грачей!

И заметить не замедлим:
Потому зима щедра
Снегом памятным, последним,
Что прошла ее пора.

«Что жалеть? Берите, люди!..»
О, грачиная метель!
Ты — предание о чуде,
Света вешнего купель.

ОПОРА

УЛЫБЫ

Г. Н. Волкову

Преданья древние страны лесистой нашей
Гласят о том, что были и у нас
Встарь улыпы. Деяньями какими
Они прославились? Чем род их знаменит?
К далекой, заповедной старине
Восходит их могучее начало.
Достоинно великаны поживали,
Порядки добрые умели уважать.
Крепки отменно были. Как Атланты,
Сильны. Трудолюбивы, домовиты.
Уверенным был шаг их семиверстный,
Длиною в семь сажений — лапти их.
Они земле опору подыскали,
Наладили порядок во Вселенной,
Небесный свод приподняли повыше,
Чтоб головы в пути не нагибать.
Нашли огонь, чтоб в стужу согреваться,
В жару дождю приказывали литься,
Сдвигали с места горные массивы,
Теченьем рек умели управлять.
Когда же мир затоплен был водою,
Ярилась долго темная стихия.
Почуяв смертный час, ревели звери,
Но улып им на помощь поспешил:
Стащил с себя просторную рубаху —
И, всех зверей в нее сложив попарно,

На облаках держал их до поры,
Покуда схлынула ревущая вода,
Потом на высохшую землю возвратил.
Была рубаха улыпа волшебной
И вышита с искусством несравненным
Семьюдесятью разными цветами
Сияющими, и еще семью.
Она в сраженье силу придавала,
Сулила непременно победу —
И улып изгонял врагов коварных,
Родное племя призванный беречь.
Хотя Мерчень манила на чужбину,
Пределов отчих улып не покинул:
Всего дороже для него — отчизна,
А счастье истинное — в племени своем.
А годы шли. Состарившийся улып
Нашел себе пристанище в могиле:
Высокий холм заметен отовсюду,
Исчезнуть он не сможет никогда.
Присядь хоть ненадолго на кургане —
Войдет в тебя неслыханная сила,
Почувствуешь величие сказаний,
Биенье жизни сердцем ощутишь.
Когда придет тяжелая година,
Воскреснет улып, родины защитник, —
В лучах рассветных, на коне крылатом
Из-под земли возникнет великан.
Имеет чудодейственные свойства
Земля курганная — излечивает поле,
Где почва затвердела и иссохла,
Дает ей мягкость, мощь и доброту.
Курган прозвали «почвою богатства» —
В ладони взяв целительную землю,
Несли домой и сыпали на грядки,
И щедрым был желанный урожай.
Нет, улыпы навеки не исчезли!

Они — прообраз будущих свершений.
Из рода улыпов и мы, друзья мои!
Народ недаром чтит своих героев —
И дух в нем оживает исполинский.
Богатства почву взяли мы с кургана —
И древо жизни вырастим на ней!

СИЛОЙ ЕДИНСТВА

Рене Каландиа

1

В старинной Риге, в дружеском застолье
Беседуем, четыре человека —
Латыш, грузин, эстонец и чуваш.
Хозяин наш степенен и приветлив,
Слова его всегда неторопливы
И жесты равномерны и просты.
Но в этом человеке добродушном
Увидишь сразу Лячплесиса¹ статность.
Пусть с виду смирен — можешь быть уверен:
Медведя он сумеет одолеть.
Эстонский парень, пátтыр² настоящий,
Напоминает Калевипоэга.
Улыбка на лице его широко
Души приоткрывает чистоту.
Грузин же, темноглазый, коренастый,
Сегодня вдохновен и громогласен,
Как будто с горной говорит вершины.

¹ Герой латышского народного эпоса, его имя означает «раздирающий медведя».

² Герой, богатырь (*чув.*)

Достоинством врожденным наделен;
Он внешностью своей, осанкой, речью
Похож на Витязя в тигровой шкуре.
Чтоб всем от имени своих народов
Неспешно разговаривать о жизни —
Нужны, пожалуй, улыпские нравы
И осознанье сущности своей.
Случайные, нелепые словечки
Для нашей встречи вовсе непригодны.
И, если скажешь что-нибудь некстати,
То сердце так и вздрогнет у тебя.

2

О, как и все друзья мои, Рене,
Приди в мое душевное застолье!
Я рад тебе, я дружбу принимаю,
Рукопожатье наше — навсегда.
Пусть наши предки в древности далекой,
Случалось, и не ладили порою —
Но все пожары ныне отпылали,
И в мире воцарилась доброта.
Сокрыта в прошлом связь народов наших —
Сейчас хотел бы знать я поточнее,
Когда приязнь и дружба завязались, —
Быть может, в песнях это отыщу?..
Манит неизъяснимою красою
Ограда Сада Летнего. Вот чудо!
Не ласточек ли крылья здесь порхали,
Стремительны, изящны и легки?
Не волхованье ль вышивок чувашских
Перенеслось на Север ненароком?
О совершенство! — слов не подберу я.
Ограда — музыка, нам явленная вдруг.
Когда ее увидишь над Невою,
То сразу вспомнишь князя Дадиани —

Ведь без его отзывчивого сердца
Не родилась бы эта красота.
Усыновив чувашского мальчонку,
Предугадав его предназначенье,
Князь помогал развиться дарованью
И честь принес народу моему.
От княжеского имени Георгий
Произошла фамилия Егоров.
Широкую и трудную дорогу
Открыл он перед крестником своим.
И вот мы созерцаем воплощенье
В материале зримом, рукотворном
Догадок о гармонии вселенной,
Видений о единстве мировом...³
Ну что тебе, Рене, сказать сумею?
Выходит, издавна дружил чуваш с грузином.
И это чувство, доброе, большое,
Сегодня с честью надо нам хранить.
Не в нем ли бытия опору видим?
И не оно ли было нам спасеньем,
Когда беда нахлынула внезапно
И воевала с недругом страна?
Протянем руки искренне друг другу —
Пусть песня дружбы нашей, наших судеб
Звенит единства силою святого,
И Летний Сад — свидетельство его.

³ Ограда Летнего Сада — архитектурного памятника Ленинграда создана в 1784 году по проекту П. Е. Егорова, чуваша по национальности, крестника и воспитанника князя Г. Дадиани.

КУ-УК!

Вот хюккю¹. Таится радость в нем —
Все звончей звучанье с каждым днем:

Ку-ук! Ку-ук! Ку-ук!

Полон сил старинный братства дух.
Видишь — каждый трудится за двух.

Люди песню помочи поют —
Пусть дома нарядные встают.

Ку-ук! Ку-ук! Ку-ук!

Властный зов деревню встрепенет —
Новый сруб, как на дрожжах, растет.

У тухьи² в узорчатой красе
Нет желанья спать на дне сюзсэ³.

Не-ет! Не-ет! Не-ет!

Знаменьем былого хочет стать,
Головы девичьи украшать.

Поглядите: вышивки у нас
Хороши — не оторвете глаз.

Э-эх! Э-эх! Э-эх!

Мира драгоценные черты
Оживляет сила красоты.

Столько сказок с детства ты слышал —
Может, в них ты оклик различал:

¹ Рожкообразный народный музыкальный инструмент.

² Девичий головной убор.

³ Большая выдолбленная кадка с крышкой для хранения одежды.

Сто-ой! Сто-ой! Сто-ой!
Правнуки вспомнят нас не раз —
Силы им обычай наш придаст.

Песенка застольная горда:
Доброе сохранно навсегда.
Э-эй! Э-эй! Э-эй!
О, не будь народа ты умней,
Хлеба старше, сын земли своей!

Помочи великие идут,
Всюду принимаются за труд:
Ку-ук! Ку-ук! Ку-ук!
Ум народа — жизни торжество,
Дух не гаснет солнечный его!

ТРУБКА РАЗИНА

(Предание)

Вниз по Волге челны удалые плывут,
В них казаки сидят, молчаливо гребут,
Пригорюнясь, без песен вольготных и грозных—
Тяжко ранен, лежит атаман их любимый.
Но, когда проплывала ватага лихая
Мимо гор Жигулевских, туманом повитых,
Он очнулся, взглянул на обрывы и кручи.
— Что за горы? — промолвил, главу приподняв.
— Жигулевские горы. Молодецкий курган, —
Отвечали казаки с охотой великой,
Радость в сердце почуяв, — ведь жив их вожак!
И, как будто их радость в тот миг отозвалась
В атаманской душе, истомленной страданьем,
Прозвучал над волнами голос Разина громкий:
— Ай, хорош!.. Так поднимемся, братцы, туда!..
Вот, причалив, на берег выходят казаки;
С двух сторон поддержав своего атамана,
Поднимаются в гору. Изумившись простору,
Затишают гурьбой на вершине высокой.
Оглянулся вокруг атаман их суровый,
Вынул трубку свою, обратился к казакам:
— Братья! Трубку дарю я горе этой славной,
На вершине высокой ее оставляю,
Зарываю в священную, древнюю землю.
Пусть дымок ее видится всем издалече.
Тот, кто трубку найдет, наше дело продолжит...
Сходит Разин с тропы, от ватаги поодаль
В обомшелой земле свою трубку хоронит, —
И к челнам возвращаются снова казаки.
Лишь за весла взялись, смотрят — экое диво! —
На вершине высокой дымок закурился.
Бают, было волшебным табачное зелье,

Говорят, атаман отыскал его где-то,
Ну а где отыскал — это давняя тайна...
Кто хоть раз не видал, проплывая по Волге,
Одинокий дымок, исчезающий в небе!
И, похоже, недолго с тех пор пролежала
На вершине горы атаманская трубка...
Потому и восстанья начинались повсюду,
Потому и гулялось подневольному люду!..

МАТЕРЬ ЛЕСА

В час полночный, в раздумье, в глухой стороне
Посмотри-ка на лес при высокой луне —
Может, тень исполинскую там разглядишь,
Что прошла, не нарушив смолистую тишь?
Есть преданье, что Матерь у леса была —
Жизнь деревьев привольных она берегла.
То ли плач начинаю вдали различать,
То ли филин заухал, — никак не понять...
Ну, а может, заступница листьев и трав
Причитает в слезах, на колени упав:
«Кто же здесь, озоруя, недавно бродил,
Кто дитя мое прямо под корень срубил?
Не дал кроне окрепнуть, стволу подрасти, —
Как ни бейся теперь, а его не спасти...
Ждет гибель людей, если лес пропадет,
Ну а выживет лес — будет жив и народ...»
Может, лес, расшумевшись, продлил волшебство,
Может, гневалась вправду хозяйка его —
Померещилось, из лесу гонит она
Тех, на ком за злодейство осталась вина...

НАСТАВЛЕНИЕ САМОМУ СЕБЕ

Пусть, в правоту твою ещё не веря,
Разумных слов ещё не подобрав,
С тобою говорят недружелюбно, —
Не обращай внимания на это
И добрых дел своих не оставляй!

Пусть, мир твой для себя не открывая,
Красу его отнюдь не сберегая,
Проходят мимо люди иногда, —
Не обращай внимания на это
И добрых дел своих не оставляй!

* * *

Ах, ночи, безлунные ночи!
Ну как я не заплакал очи?
Вы горе в мой дом привели.
Но с ног вы меня не сбивайте
И воздуха вдосталь мне дайте,
Чтоб чуял я звезды вдали!

Ах, ночи, бездонные ночи!
Зачем, до мучений охочи,
Терзаете сызнова грудь?
Друзей вы моих пощадите
И душу от бед защитите,
Чтоб сердце добру распахнуть!

Ах, ночи, бессонные ночи!
Тревожного вздоха короче,
Измаявшей боли длинней,
Надежду мою не развеите
И думы разбить не посмейте,
Взывавшие издавна к ней!

* * *

Ни за что ни про что
Человека я нынче обидел.
Нет покоя его беззащитной душе.
Если каяться буду,
Всю правду, как есть, говоря, —
Оправдаться, увы,
Все равно перед ним не сумею.
Ведь бывает:
Желаешь добра — принесешь огорченье.
Что же делать, как быть,
Чтобы нам помириться опять?
Все твержу и твержу про себя
(Как еще поступить, я не знаю):
«О, пускай он не раз, и не три, а семь раз
Обретет долгожданное счастье.
Пусть излечит он раны
Водою живою,
Пусть вину мне простит —
Хоть и нет ее вовсе, вины».

ЗВЕЗДА СКАЗАЛА

За полночь. Поздно. Сон мой пропал.
Оцепененье немое.
Горем измучен, тенью я стал —
Всюду несчастье со мною.

Молча хожу я, тяжело дыша, —
В комнате душно мне тесной.
Стерпит ли бурю такую душа,
Страшной звенящую песней?

Вдруг постучали. Словно в грозу,
Молния рядом сверкнула.
Кто там стоит у подъезда, внизу? —
Друг ли? Судьба ль заглянула?

И подошел я к окошку тогда —
И отшатнулся мгновенно:
Передо мною сияла звезда —
Та, что была незабвенна.

«Тужишь о чем? Что случилось, мой друг? —
Просто и тихо спросила. —
Может, вдвоем одолеем недуг?
С нами — небесная сила».

Вышел я к ней. И сказала звезда:
«Будешь ты счастлив безмерно.
Беды уйдут, как уходит вода.
Все на земле — достоверно.

К миру прислушайся: в этой ночи—
Тяготы, страсти, мечтанья...
Даже в печали своей не мельчи,
С честью пройди испытанья.

Лишь у обид не иди в поводу—
В людях ищи откровенья,
Светлую встретишь ты в жизни звезду
За доброту и горенье...»

Рамы просторов раздвинула ночь —
Сколько в ней света и воли!
Чую в душе благородную мощь,
Стойкость в любви и юдоли.

РВУ РЯБИНУ

И выпал снег. Рябину я срываю.
Прости, красавица! Изранил я тебя —
Со всех сторон обиженные ветви
Меня толкают — право, поделом! —
Поверь мне, впредь я буду осторожней...

Обильны ягоды, румянцем налитые,
Венком багряным гроздь сплетены,
Гирляндами живого фейерверка,
Шальными полукружьями монист —
Сознания не лишиться б в упоеньи.
И верю я, что урожай грядущий
Людей порадует, — рябине он сродни.

Красива ты, рябина, да горька!..
Слова старинной песни вспоминаю.
И горькое и сладкое изведать
В юдоли нам положено земной.
Ох, если горечи отведать не придется,
То вкуса бытия не ощутишь...

Ну вот и ведра доверху полны.
Достаточно! Домой теперь пора мне.
Пусть ягоды останутся иные
Для угощенья другу — снегирию,
Пусть бросится предзимняя краса
В глаза проходим — сколь она ранима!..

У прадедов поверье было ветарь:
Чертей отпугивали веткою рябины.
Обычай чту: не отломить ли впрямь
Еще одну себе — для талисмана?

ЛАСТОЧКА

Если головку ласточки по-
мажешь маслом—к удаче.

Народное поверье

Жара измучила.
В раскрытое окно
Вдруг что-то столь нежданно залетело,
Ударилось, отпрянуло — и на пол
Упало...
Это — ласточка! Откуда
Ты, птица благородная, явилась?
Не ранена ль?
Всем тельцем трепеща,
Пытается подняться -- и не может.

Я к гостю поскорее подошел,
Взял на руки —
И крылья ей расправил,
И отпустил, —
На волю устремясь,
Мгновенно в небесах она исчезла...

И вот теперь, досадуя, стою:
И маслом ей головку не помазал,
И хлеба ей, увы, не накрошил.
Удач откуда мне дождаться, чудяку?
Вот так всегда: пока сообразишь...

Да что же мне жалеть, в конце концов,
Что птицу отпустил без угощенья?
Жить в изобилии, пожалуй, не по мне.
И что, коль счастье держишь ты в руках,
К деяньям человека призовет?

КОМЕДИЯ СО СТОЛБОМ

Г. Айги

Агадуй¹ в разгаре. Не смолкают
Шум и смех... Вот игры затевают.
Медвежонок на столбе высоком
На людей глядит лукавым оком.
Хороша забавная игрушка:
Растопырив ноги-колотушки,
Восседает с важностью особой—
И достать ее поди попробуй!..
У столба — столпотворенье прямо.
(Что идет — комедия иль драма?)
Все желают по столбу подняться —
Отчего добыть не попытаться
Приз занятый? Доставать — мученье.
Развлечение это — огорченье.
Лезут, лезут... Снова неудача!
От столба отходят, чуть не плача.
Лишь до середины доберутся,
И назад. Не могут, как ни бьются.
Крепыши рискнут — не тут-то было! —
Здесь нужна сноровка, а не сила.
Не залез никто, как ни старался...
У столба парнишка показался,
В столб руками крепкими вцепился,
(Возглас одобренья прокатился
По толпе), и — белкою взобрался
До вершины!.. Приз ему достался.
Чья же удаль в нем могла сказаться?
Кто сейчас сумеет догадаться!..

¹ Агадуй—чувашский народный праздник, который проводится после завершения весеннего сева.

ХЭРТСУРТ

Посвящается жене

Встарь, говорят, на печке у чуваш
Жила Хэртсúрт, почтенная богиня,
Очаг оберегавшая домашний
И людям приносившая добро.
В ту ночь, когда варили жертвенную кашу
И лунный свет струился из окошка,
Она являлась в одеянье белом—
В привычном образе красавицы земной.
Повязана сурбáном¹ белоснежным,
За прялкою хозяйскою сидела,
Работою своей благословляя
Жизнь дома впредь рекой молочной течь.
Любое угощение отведать
Ей прежде всех с поклоном предлагали;
Ковши с кипящим пивом подымались —
С улыбкой слушала богиня: «Тав санá!»²
Хозяйка мудрая печи, семьи защита,
Она устои дома укрепляла,
Обилию детей бывала рада,
Порядок сохраняла и уют.
Ай, умница Хэртсурт, ай, молодчина:
Когда не утихали в доме ссоры,
Она, обидевшись, оттуда уходила —
И жизнь наладить в нем никто уже не мог...

Любимая! Ну где найти слова мне,
Чтоб выразить суметь благодаренье
Тебе, дарящей счастье и блаженство?
Еще не отыскал я нужных слов.
Моя Хэртсурт, мой ангел ясноглазый!—

¹ Сурбан — женская головная повязка.

² Тав сана — благодарю тебя.

Так называть тебя сейчас позволь мне.
Ты рядом — и прекрасны наши годы,
Ты рядом — и полнее жизнь моя.
Ты сердце от беды оберегаешь,
Ты в дом приносишь благо и порядок —
Все крепнет он заботами твоими,
Дух бережливости, тепла и полноты.
Хэртсурт моя, души и глаз отрада!
Пусть никогда любовь не угасает.
Ну как бы стать тебе необходимым,
Как ты необходима для меня?
Что ж, видно, больше мне, мужчине, надо
Брать на себя в упряжке повседневной.
Желанье пусть мое осуществится, —
Лишь этого у жизни я прошу.

ВУДАШПИ ¹

Плыву один на легком челноке,
Весло сжимаю гибкое в руке.
Озерная притягивает гладь,
К ней сердце так и рвется — не унять.
Ни звука, ни движенья, — тишина.
Хотя бы птица пела — пусть одна,
Задета щукой лишь из озорства,
Кувшинки покачнулась голова...
К прохладной влаге низко наклонюсь:
Кто мнится там? Я встречи не страшусь!
Неужто из дремотной глуби вод
Появится красавица вот-вот?
Ах, Вудашпí, — нездешний облик твой
Избраннику откроется порой!..
Но все ль моей судьбой предрешено —
И суженую встретить мне дано?

¹ Русалка

* * *

На луг, залитый солнцем, выхожу.
Цветы нежны и ласковы со мною,
Как будто в каждом — что-то от любимой:
Мгновенно настроенье угадав,
Дотронутся стеблями, лепестками,
Так бережно, что вновь растроган я...

Ах, милые луга мои!
Без спроса к вам я прихожу,
Без спроса покидаю вас, —
Признайтесь, вдруг вам тяжело
Встречать меня в который раз
И расставаться неизменно?

Я с лесом повидаться тороплюсь —
И зелень привечает, как сестра,
И листья, теплые, как сестринские руки,
Мои угадывают скомканные мысли
И, чтобы ненавязчиво утешить,
Меня тихонько гладят по плечам...

Ах, добрые мои леса!
Без спроса к вам я прихожу,
Без спроса покидаю вас, —
Признайтесь, вдруг вам тяжело
Встречать меня в который раз
И расставаться неизменно?

Порой взлетаю к белым облакам —
Они, как матушка, спокойны, добродушны,
Перину мягкую мне тут же расстилают, —
Охотно завалившись на нее,

Я сразу безмятежно засыпаю,
Покоем сказочным, блаженством умилен...

Ах, облака в голубизне!
Без спроса к вам я прихожу,
Без спроса покидаю вас, —
Признайтесь, вдруг вам тяжело
Встречать меня в который раз
И расставаться неизменно?

* * *

Сразу после дождя посвежела земля,
На приволье лицом посветлели поля.
И пришло, наконец, от тебя письмецо—
И, воспрянув, я вышел тогда на крыльцо.

Стаи птах на ветвях распевают взახлеб,
К небесам устремляясь из мрака чащоб.
И душа моя заново вдруг родилась,
С первозданностью мира почувствовав связь.

Выходи же в поля и вокруг оглянись —
Исцелит от хандры благодатная высь.
Горевать перестань — улыбнись, человек,
Ты ведь нужен кому-то, — запомни навек.

Запах листьев и трав, не колеблясь ничуть,
Хочет к солнцу ладони скорей протянуть.
Да и чувства твои — так им тесно в груди —
Долгожданную встречу сулят впереди.

* * *

Пройдет ли ветер, сух и тороплив, —
Дубняк вздыхает, кроны расправляя.
Медлительно по опали бреду.
Тугие тельца желудей упавших
В траве я то и дело различаю...
О нет, не ветер это прошумел,
Не листья надо мной зашелестели,
Не ветки захрустели под ногами.
Проходит жизнь —
Мне слышен гул ее,
Крылами призрачными взмахивает время.
Скажи мне, желудь:
Где же и когда
Ты станешь на земле началом древа?

ИЗ ЦИКЛА «СУНДУК ПЕСЕН»

* * *

Подарила нам бабушка добрая
Свой заветный сундук,
Расписной сундук,
Золотой — загляденье просто.
Этот старый сундук — с золотым замком,
А замок золотой — с золотым ключом,
Ну а ключ этот — вот он, в руках у нас,
Ключ волшебный, к тайне великой ключ.
И представьте себе — в сундуке золотом
Сотня тысяч песен хранится.
Так давайте откроем сундук золотой,
Теплым солнцем вешним, как день, залитой —
И, увидев песню на самом верху,
Голосистую, переливчатую,

Звонко-звонко вместе ее запоем!
Пусть все то, что душу томило подчас,
Этой песнею светлой развеется!
А устанем песни славные петь —
То зачем, головой поникнув, сидеть?
Уж не лучше ли нам на старинный лад
Молвить слово стихами душевное?

ЗОЛОТАЯ ПТИЦА

В отдаленье памяти моей,
Где туманы неба голубей,
Виден лес — высокий темный лес,
Полный тайн, преданий и чудес.
Я овраги и холмы пройду,
Прямо в глубь чащобы попаду,
На поляну выйду — а за ней
Ель увижу, всех иных стройней:
Золотые хвоя и смола,
Шишкам золотистым нет числа,
На вершине — птица золотая
Распеваает, гостя привечая.
Песне этой век звучать в груди:
«За целебным светом приходи!..»
Лес — наш мир, где столько есть щедрот,
Где в семье других деревьев растет
Золотая ель — народ родной,
Что отмечен ясною красой.
Птица — ум народа, он велик,
Без него лицо утратишь вмиг...
Мне бы в душу все это вобрать,
Свет целебный сердцем воспринять!

ЗАЧЕМ ИДТИ КУДА-ТО НА ЧУЖБИНУ!

Надеясь чудо-ниву увидеть,
Зачем идти куда-то на чужбину?
Без сева рожь на ниве не взойдет,
Ах, нет, нет-нет, и колос не взойдет.
Родного дома в мире нет дороже.

Надеясь полный увидеть овин,
Зачем идти куда-то на чужбину?
Без молотьбы не будет полон он,
Ах, нет, нет-нет, не будет полон он.
Родной деревни в мире нет дороже.

Надеясь хлеб волшебный увидеть,
Зачем идти куда-то на чужбину?
Хлеб не пекут издревле без огня,
Ах, нет, нет-нет, без жаркого огня.
Родного края в мире нет дороже.

* * *

Мечта моя, с тобой — моя душа,
Зовешь меня в заоблачную тишь:
«Семь раз скажи название Ковша¹—
И доброе деянье совершишь»².
И я твержу, предание храня,
Высоких звезд святые имена,
Чтоб в звоне ослепительного дня
Дорога мне всегда была ясна.

¹ Звездный Ковш — чувашское название Большой Медведицы.

² Чувашская скороговорка.

НЕОСТЫВШИЕ СЛОВА

ИЗ ЦИКЛА «ЖАВОРОНОК»

* * *

Ты чиста, как черемухи ласковый цвет,
Точно так же ранима и столь же светла.
Без тебя мне на свете дыхания нет,
Ты на крыльях меня над землей подняла.

В одиночестве сердце знавало тоску,
Откровений искало в молчанье ночном —
Но теперь пробудилось, подобно ростку,
Дуновенье весны ощутив за окном.

Как я жил без тебя? В окруженье примет
Чаял встречи с тобою — и вот ты пришла...
Ты чиста, как черемухи ласковый цвет,
Точно так же ранима и столь же светла.

* * *

Желтеет рожь. Качают головою
Колосья, наклоняясь на пути.
И двум сердцам тропинкой полевой
Всегда вот так идти бы да идти.

Украшенная лентой голубою,
Коса твоя на диво тяжела.
Какая радость — быть вдвоем с тобою,
Как ты скромна, родная, и мила!

И жаворонки в мареве дрожащем
Поют, и так привольно и тепло.
О, как жила ты счастьем предстоящим —
И вдруг оно, смущенное, пришло!

Мечта моя, тебя я помню всюду,
Тебя иною не выразишь.
Все кажется, что рядом это чудо,
Все кажется — вот-вот заговоришь.

* * *

Слегка утихомиривая пыл
Всех чувств моих, что сердце заполняют,
Избыток слов сдержав моих и сил,
Тропу опять колосья преграждают.

Колосья дружно тянутся ко мне,
Касаются ладоней осторожно.
Иду я среди них, как бы во сне.
Я жду тебя. И на сердце тревожно.

На солнцепеке жмурятся цветы,
Лиловые головки поднимая.
И жаворонков пенье с высоты
Доносится, в лазури исчезая.

Какая нега в имени твоём!
Душа его тихонько повторяет.
О, сколько тайн откроем мы вдвоем,
Как мир их по старинке ни скрывает!

Ну что с тобой могло произойти?
И где ты задержалась? Я не знаю.
Неужто не сумела ты прийти?
Я васильки в охапку собираю.

И жаворонков пенье с высоты
Доносится, в лазури исчеза.
Мне страшно: вдруг когда-нибудь и ты
Лишь в памяти останешься, родная?..

* * *

Пусть не в ладах порою ты с судьбой,
Любовь и боль — души твоей надсада,
Но песня, неразлучная с тобой,
В безмерном одиночестве отрада.

Не сосчитать и мне своих потерь,
Но всё-таки на лучшее надеюсь.
Любить и петь — когда, как не теперь!
Любя, опять душою отогреюсь.

* * *

Снег ли встанет шаткою стеною —
Мнится сквозь него твой силуэт.
Потерялось близкое, родное —
Оттого душе покоя нет.

* * *

Оттого ли, что друга устал я искать,
Лишь печаль — без упреков,
Без ревности жгучей.
Если милое имя решусь прошептать,
Лик твой встанет, как солнце над темною тучей.

Это — малое счастье. Но именно в нем
Есть огонь, согревающий душу людскую.
И заре улыбаюсь, уверенный в том,
Что любовь на земле обрету я.

* * *

Что за дни! Только ветер и слышишь.
Ну и вьюга в округе — беда!..
Никогда ты уже не напишешь,
Не придешь ты ко мне никогда.

Ну а вдруг иногда вспоминаешь —
Ведь грешно о любви забывать,
И не спишь, и к окну припадаешь:
Не стою ли с цветами? Как знать!..

По приметам каким догадаться,
Где дорога твоя пролегла?
Видно, впрямь суждено настрадаться,
Чтобы песня светлее была.

Не исчезнут ни чувство, ни слово —
И за то, что ты в ней оживешь,
Благодарен я памяти снова...
Никогда ты ко мне не придешь.

* * *

Будь рядом друг — не тосковал бы я.
Тоскую оттого, что друга — нет.
Где взгляд его? И радость где моя?
Лишь боль в груди почувствую в ответ.

* * *

Озимой ржи зеленые ростки
Так беззащитны во поле широком!
«Былые дни — близки и далеки», —
Обмолвилась ты как-то ненароком.

Не сломлен я, хотя и горевал.
Я прошлого ни в чем не упрекаю.
Клубились облака — за валом вал,
Бродяжничать с собою увлекая.

Припомню лес. Все кажется: вдвоем,
Средь желтых крон, куда — не знаем сами,
Рука в руке, с тобою мы идем —
И листья осыпаются над нами.

И в душу холод проникает вдруг,
И жажду я свидания с тобою,
Чтоб вновь брести, не разнимая рук,
Сквозь день осенний с дымкой голубою.

Скажи мне, как тебя благодарить
За то, что души наши породнились,
За то, что счастья больше нам не скрыть,
За то, что жизнь — неслыханная милость.

Ты — грусть моя, наитие мое,
Ты — клятва, что вовеки незабвенна,
Дарующая слову бытие,
Любовь моя, — о, будь благословенна!

* * *

Простимся, поле! Каждый стебель твой
Был дорог мне, свидетель встреч невольный.
И ты прощай, заросшая травой
Тропа любви, на редкость своевольной.

Не собирать мне больше васильки
С мальчишеской наивностью и страстью.
Бывают дни: так для души близки,
Что чуешь в них грядущее ненастье.

Простимся с вами, — имя на песке,
Шаги, стихи, доверчивые взгляды.
О, сколько вас, ушедших, вдалеке —
И сколькому вы в мире были рады!

Что будет с нами? Тучи набегут
Иль вновь утешит ясная погода?
От горести хорошего не ждут,
У мудрости жестокая природа.

В глуши, воспоминания храня,
Живу, добру и сердцу веря свято;
Совсем один. О, есть ли для меня
Надежда? Ведь была она когда-то!

Ночей моих так страшен неуют —
Бездомный ветер в сумраке рыдает,
Гудят столбы, и провода поют
О том, чего никто не угадает.

Как будто нет на свете никого —
Лишь образ твой из сказки на мгновенье
Приходит, побеждая колдовство,
И бродит отчужденно в отдаленье.

* * *

Твои подарки... У меня их нет.
Вот эти письма берегу я свято —
Таится в них неугасимый свет,
С которым жизнь поистине крылата.

В них столько черт пленительной весны,
Доверия, стеснения, желанья,
Что никакие бури не страшны
Извечному теплу воспоминанья.

* * *

Стекла окон моих так чисты,
Так заполнены синью весенней!
Если любишь действительно ты,
То признайся, избавь от сомнений.
Задышается пламя в печи.
Отзовись, не таись, не молчи!

* * *

Года и дни привычно отмеряя,
Бесстрастен маятник. Безмолвно дремлет дом.
Лишь ветер стонет, к окнам припадая,
Да печь полна рокошущим огнем.

Сиротствующий голос мой невнятен,
Очей твоих сквозь даль не разгляжу.
И страх мятущейся понятен:
Ну чем я жизнь твою преобразую?

И льется песнь, дитя воспоминаний,
Любви единокровная сестра, —
И веря в исполнение желаний,
Со мною коротает вечера.

* * *

Может быть, ты меня и забыла —
От тебя не дождусь я вестей.
Но душа моя... Что с нею было,
Что за пламя тревожилось в ней!

Все — непросто, и все — не случайно.
Одиночества бремя несусь.
Открываю сердечные тайны
Деревам дружелюбным в лесу.

Всюду — ты: как судьба, неизбежна,
Словно песенка птичья, близка.
Побеседуем с лесом неспешно —
И совсем исчезает тоска.

* * *

Тебя мне все равно не отыскать —
Пусть голос безвозвратно потеряю,
Напрасен зов мой. Что тебе сказать?
Живи как знаешь, я не укоряю.
Какому ветру противостоишь,
Пути какие в мире выбираешь?
Душою ли, как встарь, еще горишь —
И чем ее, усталую, питаешь?
Случится ли упасть тебе из сил,
Вставай — тебе ль терпеньем не гордиться!
И, коль надежду рок не угасил,
Пускай она из пепла возродится.

* * *

Голубка тихая, откуда
В глазах твоих — голубизна?..
Я вспоминаю: это чудо
Вдруг даровала мне весна.

Судить о времени досужем
Теперь не стоит — все прошло.
Вот потому-то и разбужен
Теплом, расправившим крыло.

Мечтателю и страстотерпцу
Не ты ли в будущем сулишь
Любовь, нахлынувшую к сердцу, —
И ужаснешь, и восхитишь?

Не перестану удивляться
Тому, что двойственна краса:
То норовишь чужой остаться,
А то зовешь на небеса.

* * *

Среди яблонь цветущих ко мне ты пришла
И нежданную радость с собой принесла:

Глядя прямо в глаза, не смущаясь ничуть,
На осенний наш сад обещала взглянуть.

До сих пор вспоминаю биенье в груди.
О, не рань мою душу, любовь пощади.

Сад наш, право, щедрее окрестных садов —
Гнутся ветви под тяжестью спелых плодов.

У смородины черной печальны зрачки
Оттого, что шаги твои так далеки.

Даже яблоки головы свесили вниз,
Ждут, — ну где ты, родная? Скорей повись!

* * *

Давай пройдем по улицам вдвоем...
Пусть каждый столб, как стебель, свет зажжет,
Пусть желтый круг под каждым фонарем
На снег туманный мягко упадет.
Пускай толпа не устает снова
Назад, вперед — как будто бы сквозь сон,
И пусть, чтоб вновь речам твоим внимать,
Блаженством буду сладким напоен.
Прочту тебе я новые стихи —
Откуда в них дыханье древних чар?
И пусть снежинки, плавны и тихи,
Кружятся, — зимних встреч беспечный дар.
О том я расскажу тебе сейчас,
Как я бродил упрям и одинок, —
И друг меня от слез тогда не спас,
И тень моя сутулилась у ног.
Когда твой черный мех покроет снег
Прозрачным слоем, дымкою сквозной,
Его стряхну я — грустный человек,
Хмелеющий от нежности людской.

* * *

Легкой дымкой калина завесила
Над рекою студеной сады —
И Аленушке вовсе не весело,
Словно в сказке, сидеть у воды.

Что обиды? Огни по окраинам
Да желания пепел в горсти...
Поняла ты, что нам, неприкаянным,
Никуда от любви не уйти.

Как я жил, обуянный гордынею,
Как хандрил — ни к чему повторять.
Возвратившийся, вижу отныне я,
Что за чудо я мог потерять.

Сам виновен я в том, что без радости
Столько лет одиноких прошло...
Надышался бы негою младости,
Трогал волосы — птичье крыло,

Слушал речи девичьи заветные,
Руки белые гладил твои...
Ах, калина, ты—вестница светлая
Воскрешения нашей любви!..

* * *

Поцелуи твои вспоминаю —
Уст касанье, вернувшее силы...
О, не ты ль мою душу, родная,
От бессонных скорбей исцелила?

У озер мы с тобой не бродили,
Зачарованы полной луною.
Так друг друга тогда мы любили,
Что любовь и поныне со мною.

Изумленная счастьем желанным,
Доброту ты мне вдруг даровала —
И, жалея в порыве нежданном,
Как могла, на земле поддержала.

Мы друг друга без слов понимали —
Словно птицы в сердцах наших пели,
Молчаливо порою стояли
Да в любимые очи глядели.

Утомленная лампа мерцала,
Свет неяркий сквозь веки струила, —
И опять ты меня обнимала,
И в глазах ничего не таила.

Ах, куда мы девались, не знаю,
Изменились — ведь всякое было...
Поцелуи твои вспоминаю —
Уст касанье, вернувшее силы.

ПАЛЧАВ ¹

Два состояния совпали —
И вот, осознаны едва,
Навеки в душу мне запали
Твои воздушные слова.

Не оттого ль, что в самом деле
Не знал я истинной любви,
Глаза наивные прозрели
И радость вспыхнула в крови?

Неизъяснимое блаженство
Сулило встречи волшебство —
И внял я мира совершенству,
И неизбежности его.

Как будто ясною весною
Весь этот день преображен —
И в то, что ты теперь со мною,
Подобно мне, поверил он.

И та краса, что с детства снится,
Явилась мне при свете дня...
О юность, можно ль поклониться
Тебе, глядящей на меня?

А солнце зимнее сияет —
Наперсник наш с недавних пор,
И вот сердца соединяет
Благословенный уговор.

¹ Палчав — уговор о дне свадьбы

ПИСЬМА ОТ ЛЮБИМОЙ

* * *

И вот, как будто миром проклят был,
Остался я печальным сиротою,
И страшный хлад метелей ощутил
Вконец оцепеневшею душою.
Когда надежда впрямь лишилась сил,
На все готов я был махнуть рукою.

Но случай не напрасно подсказал
Мне этих писем отыскать страницы —
Тепла приметы вновь я распознал,
Заставившие сердце пробудиться.
Поклон тому, кто мне возможность дал
К былому ненароком возвратиться.

О, письма, письма, — молодости пыл,
Мелодии, сродни воспоминанью
Возникшие, чтоб я глаза открыл
Навстречу невозможному сиянью
И в небесах, как птица, воспарил,
Не чувствуя ни лет, ни расстоянья!..

1

Пойми без слов, потом не упрекай,
Что чувства хлынули, как волны, через край,
Что связно объясниться не сумею,
Что с речью мне не справиться своею.
Как нищ, как непослушен наш язык:
Все ищешь слово, а находишь — крик.
Я душу, кажется, отдать сейчас готова
За сокровенное, единственное слово,

Но только что-нибудь сказать хочу — слова
Долой из памяти... Кружится голова.
И снов и яви нынче я боюсь!
И говорить и мыслить я учусь.
Случается, и плачу — что ж, пускай!..
Пойми без слов, потом не упрекай.

2

Тебя я никогда не разлюблю,
Меня ты не разлюбишь. Я молю,
Пиши почаще мне, чтоб радоваться вновь,
Чтоб твердо знать: жива твоя любовь.

Я так безумно по тебе скучала,
Незваной гостьей навестить тебя мечтала —
Но даже издали меня ты не позвал.
Как жил в разлуке ты — и вправду ль тосковал?

Жду встречи я. Пусть слепо, но надеюсь
Наговориться всласть. Тогда согреюсь,
Оттает сердце бедное в груди.
Любимый мой, скорее приходи!

3

О, сколько слов невысказанных пело
В душе моей!.. Я столько хотела
Открыть тебе!.. Да где тебя искать?
Ведь мне и слова некому сказать.

Ах, что творит несносная молва!
Всегда виновен ты, зато она — права...
Зла никому я не желала, никогда,—
За что ж негаданно нагрянула беда?

Мне только б выдержать ночей бессонных ад,
И взглядов суетность, и кривотолков яд!
Невинно осужденною в огне
Сгораю, — как дожждаться счастья мне?

4

Ну что же делать мне? Ума не приложу.
Ты знаешь, лгать я вовсе не умею.
Коль об испытанном однажды расскажу,
Не огорчу ль неловкостью своею?
А если плач в груди я удержу —
Что завтра выдержу?.. И думать я не смею.
Как без тебя мне было тяжело!
Весть о тебе так редко даровалась.
На все лады судачило село
О нас двоих... Судьба ли измывалась?
Ты не печалься, милый, — все прошло,
Как раньше говорили — миновалось.

5

За искренность твою благодарю,
За доброту, за песни ожиданья.
Зачем тебе я это говорю?
Труды твои — всей жизни оправданье.
Ты мудрость прадедов годами собирал
По зернышку. Ее оберегая,
Ты чувствуешь: твой час уже настал.
И это я так ясно понимаю!
Как благодарность выразить? Опять
Ищу, как чуда явленного, слова..
А ношу тяжкую твою поднять
С тобою вместе я уже готова.

КАВКАЗСКИЕ ДОРОГИ

КАЗБЕК

Что сказать ты мне хочешь,
Казбек?
С бородою седою
Из таинственных сказок
Волшебника образ
Пробуждается в памяти вдруг.
Пред тобою,
Старейшина гор,
Древней мудрости смысл
Распознать пожелавший,
Столь смиренно
Я ныне стою.

КАЙШАУРСКАЯ ДОЛИНА

На отложистых склонах
Раздавшихся в стороны гор
Вырастают цветы
В ослепительно желтом сиянье,
Вырастают,
По грудь высоту, —
Островков невеликих
Манящие архипелаги,
Хороводы нарядные —
В чинном,

Степенном круженье,
Привлекая
Внимательный взгляд.

Листьев вовсе не видно —
Все ветви так плотно
Облепили цветы,
Словно солнечный свет пополудни,
Ясны,
С золотою прожилкой
И крупны необычно.

Нет числа,
Нет конца им и края...
Рододендроны —
Так их зовут, —
На яичный желток
И на солнечных зайчиков,
Дружно играющих в прятки,
Похожи цветы.

Каждый куст—
Небывалый букет.
И долина,
Как дева,
Прекрасна,
Дарит гостю,
Пришедшему с Севера,
Щедрость свою.

СТАРИННАЯ КРЕПОСТЬ

Вершина снежная горы уединенной.
Ни деревца на склонах, ни травинки.
Там крепость пращуров, суровая твердыня,
Надменно высится, сохранна до сих пор.
Она, как ласточкино ладное гнездо,
Взгляд восхищает дикой красотой.
А во владенья ласточек подняться
Не так-то просто, знаешь это сам.

Жил в крепости отшельник, говорят,
Во что-то веруя, чего-то опасаясь.
Медведь к нему пожаловал однажды —
И тут же был дубиною убит.
Но оказалось, это человек,
Надевший на себя медвежью шкуру.
И зарыдал в отчаянье отшельник:
— На свете белом больше нет врагов!..

БАШНИ

Сложена башня
Из грубых камней,
Коренаста, темна.
Верх ее кем-то разрушен —
Сплошные обломки.
Прямо на стенах,
Вокруг основания ее,
На развалинах,
Привольно
Всюду,—Мох зеленеет,
Трава разрослась.
Древности гул,

Отголоски чуть слышные
Битв
Башни туманную память
Почти не тревожат.

А на соседней горе,
На ее крутизне, —
Башня другая,
Как пень, поднимается,
Еле приметна.

Дальше пойдешь —
И увидишь
Еще не одну...
Башня стареет
И рушится,
Камень дряхлеет.

В мире
Бесплодные споры
Никак не унять.

ПАСАНАУРИ

Не здесь ли склонов ярк изумруд? —
Они покрыты буйными лесами.
Не здесь ли птицы звонче всех поют? —
Бескрайний мир их полон голосами.
Не здесь ли воздуха целебность узнают,
Дыша его хрустальными слезами?

И, словно встретился Сетнер с Нарспи своей¹,
Арагва Черная спешит в объятья Белой;
Барашки волн с разгону всё резвей
В пороги тычутся толпою оголтелой,
Да облако лежит прохладой светлой всей
На темени горы оцепенелой.

¹ Сетнёр и Нарспй—герои поэмы чувашского классика К. В. Иванова «Нарспи».

САГУРАМО

Вот и околицы тихой отлогость.
В саду Чавчавадзе¹
Роз лепестки,
Отворенною кровью багровы,
Людам, пришедшим сюда,
Говорят, что не умер поэт.
Угомонились
Дерев многошумные кроны,
Ветви склонились,
Спокойно стволы поднялись.
Кажется,
Выйдет навстречу
Хозяин дворца
И предстанет вот-вот
Перед нами.
В комнате светлой
Висит на гвозде —
Лишь на плечи
Накинуть осталось —
Виды выдавшая
Бурка его.
Неподалеку,
На склоне горы величавой,
Там, где поэта
Злодейски убили,
Застигнув врасплох, —
Памятник белый,
Высок,
Островерх,
Словно свеча,
Увлажненным очам
Предстает.

¹ И. А. Чавчавадзе (1837—1907) — выдающийся грузинский поэт.

ГЛИЦИНИЯ

Точно кряжистый дуб,
Узловата, крепка,—
Расцветает магнолия.
Каждый
Белый упругий бутон —
С мой кулак,
Не иначе.
Бессознательно
Вдруг ощущаешь:
Иные вот-вот упадут —
Ветвь глицинии
Их заключила
В роковые
Объятия свои.
Обвиваясь
Вокруг неподвижной опоры,
Глициния
Жадно растет,
Словно цепкий
Ползучий вьюнок.
Ее жилы
Так жестки —
Обладают
Почти металлической
Хваткой.
Не хватило
Магнолии ей —
Снова
Каждым ростком,
Непредвиденно жалящей
Хищной змеей
Потянулась
К беззащитному телу
Благородного лавра.

САМШИТ

Скалы
В трещинах частых.
Все камни да камни...
На камнях
Приютился самшит —
Жизнестойкое
Вечнозеленое древо.
Если ствол его
Кто-то срубить пожелает,—
Может стать топора,
Говорят,
Разлететься
На десятки
Звонящих кусков.
Камни, камни...
Самшит на камнях.
Ну, а если растет
На камнях —
Не отсюда ли
Крепость его?

У МОРЯ

I
Бесконечный покров,
Что и зелен и синь.
А под ним —
Жизни полное
Гибкое тело.

Стаи чаек
На глади воды,

Точно белой бумаги
Клочки,
Отдыхают спокойно,
Временами
Опять пропадут
За волнами —
И совсем исчезают
Из глаз.

Вдруг встает
Преодо мной
Даль пустыни бескрайней.
И неожиданно —
Сугробов наросты.
А потом —
Возвращается море
Еще и еще.

Набегают волна,
Неуклюже,
Бочком, —
Брызжет на берег
Пенная влага:
Будто, воздух разрезав
Горячий,
Ерш колючий
Промчится,
Огромный,
Как сказочный кит

В шуме каждой волны
Сколько дальних громов
Отгремело,
Сколько листьев лесных
Отшумело,
Сколько пело
Бродячих ветров?

По всему побережью,
Подобные яйцам гусиным,
Разбросаны камни:
Розоватые,
Белые
И голубые;
Длиннотелы,
Приплюснуты
И круглы,
Словно шар;
То, как стекла,
Прозрачны,
А то,
Как изделия столярные,
Гладки...
Эти камни
И я полюбил
Почему-то —
И на память
В карманы кладу.

ЗАХОДИТ СОЛНЦЕ

За кого же, скажите,
Сосватали
Ненаглядное
Солнышко наше?
Через море к светилу
Полотно расстелили —
Золотисто-серебряный свет.

СПАСИБО

О крутые, высокие горы,
Наконец я у вас научился
Быть высоким и стройным.
Спасибо!

О чредою столетий
Закаленные камни,
Наконец я у вас научился
Несгибаемой
Крепости сердца.
Спасибо!

О потоки в рыданье и гуле,
Наконец я у вас научился
Беспокойству святому.
Спасибо!

СОДЕРЖАНИЕ

ДОЛГ

Сеспель	3
Родина	4
Разговор с полевыми воротами	5
«О родина, верь сыну своему...»	6
Слепой гармонист	7
«Седые ветлы в пасмурные дни...»	8
Качели	—
Долг	10
«Живой душе, в поэзию влюбленной...»	13
«Сейчас я сам—серебряные струны...»	—

ГРАЧИНАЯ МЕТЕЛЬ

«Снова солнце, на землю нахлынув...»	15
«По утрам переключка грачей...»	—
«Медуница в лесу расцвела...»	16
Черемуха	—
Весенний лес	17
«К тебе вернувшись, край родимый мой...»	18
Подсолнух	—
Дождь	—
«Зарождение рассвета люблю я встречать...»	19
Чибис	20
Ах, ветер, что ты натворил?	—
В сосновом лесу	21
Что может быть дороже?	22
Осенний пейзаж	—
Рябина	23
Листопад	—
Белый дождь	24
Вяз	25
«Пускай летят навстречу снега комья...»	—
Грачиная метель	26

ОПОРА

Улыбы	27
Силой единства	29
Ку-ук!	32
Трубка Разина	34
Матерь леса	35
Наставление самому себе	36
«Ах, ночи, безлунные ночи!..»	—
«Ни за что ни про что...»	37
Звезда сказала	—
Рву рябину	39
Ласточка	40
Комедия со столбом	41
Хэртсурт	42
Вудаши	43
«На луг, залитый солнцем, выхожу...»	44
«Сразу после дождя посвежела земля...»	45
«Пройдет ли ветер, сух и тороплив...»	46

Из цикла «Сундук песен»

«Подарила нам бабушка добрая...»	—
Золотая птица	47
Зачем идти куда-то на чужбину?	48
«Мечта моя, с тобой—моя душа...»	—

НЕОСТЫВШИЕ СЛОВА

Из цикла «Жаворонок»

«Ты чиста, как черемухи ласковый цвет...»	49
«Желтеет рожь. Качают головою...»	—
«Слегка утихомиривая пыл...»	50
«Пусть не в ладах порою ты с судьбой...»	51
«Снег ли встанет шаткою стеною...»	—
«Оттого ли, что друга устал я искать...»	—

«Что за дни! Только ветер и слышишь...»	52
«Будь рядом друг—не тосковал бы я...»	—
«Озимой ржи зеленые ростки...»	53
«Простимся, поле! Каждый стебель твой...»	54
«Нет ни часа, ни дня...»	55
«Твои подарки... У меня их нет...»	56
«Стекла окон моих так чисты...»	—
«Года и дни привычно отмеряя...»	—
«Может быть, ты меня и забыла...»	57
«Тебя мне все равно не отыскать...»	—
«Голубка тихая, откуда...»	58
«Среди яблонь цветущих ко мне ты пришла...»	—
«Давай пройдем по улицам вдвоем...»	59
«Легкой дымкой калина завесила...»	60
«Поцелуй твой вспоминаю...»	—
Палчав	62

Письма от любимой

«И вот как будто миром проклят был...»	63
1. «Пойми без слов, потом не упрекай...»	—
2. «Тебя я никогда не разлюблю...»	64
3. «О, сколько слов невысказанных пело...»	—
4. «Ну что же делать мне? Ума не приложу...»	65
5. «За искренность твою благодарю...»	—

КАВКАЗКИЕ ДОРОГИ

Казбек	66
Кайшаурская долина	—
Старинная крепость	68
Башни	—
Пасанаури	70
Сагурамо	71
Глициния	72
Самшит	73

У моря

1. «Бесконечный покров...»	—
2. «По всему побережью...»	75
Заходит солнце	—
Спасибо!	76

Для старшего и среднего школьного возраста

Геннадий Федорович
Юмарт (Трофимов)

РОДНОЕ ГНЕЗДО

Стихи

Перевод с чувашского В. Алейникова

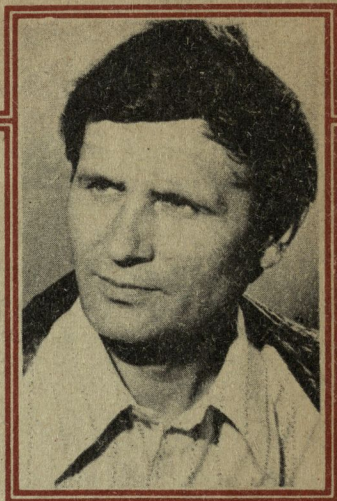
Редактор И. В. Митта
Художник З. И. Чернова
Художественный редактор Г. С. Самсонова
Технический редактор Н. В. Васильева
Корректор М. Л. Кирьянова

ИБ 1925

Сдано в набор 04.06.86. Подписано к печати 27.01.87.
НТ 10020. Формат 70×90¹/₃₂. Бумага типографская № 2.
Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ.
л. 2,92. Усл. кр.-отт. 3,06. Уч.-изд. л. 3,01. Тираж 1500
экз. Заказ № 2564. Изд. № 87. Цена 15 коп.

Чувашское книжное издательство,
428000, Чебоксары, пр. Ленина, 4.
Типография № 1 Государственного комитета
Чувашской АССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
428019, Чебоксары, пр. Ивана Яковлева, 15,

15 коп.



Геннадий Юмарт родился в 1938 году в деревне Задние Катыки Чувашской АССР. Окончил Чувашский государственный педагогический институт им. И. Я. Яковлева. Работал учителем в чувашских школах Куйбышевской области, редактором Чувашкнигоиздата. С 1970 года он научный сотрудник НИИ при Совете Министров ЧАССР.

Г. Юмарт — автор пяти книг, член СП СССР. Активно занимается чувашским фольклором, является ответственным редактором шеститомного собрания Чувашского устного народного творчества.

